

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Т $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памят- ников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюр- кизмов в русском языке	33
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятни- ков тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохта- мыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоко- ведения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

С. Г. Кляшторный (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.)	254
Л. П. Потапов (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных	265
С. М. Абрамзон (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье	287
Ф. Х. Арсланова (Усть-Каменогорск), С. Г. Кляшторный (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья	305
А. Д. Грач (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла	
С. Г. Кляшторный (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии	334
Л. Г. Савинов (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время	339
Ю. И. Трифонов (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугу)	351
Р. А. Гусейнов (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье	375
А. Д. Новичев (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект	382
Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем	395
Список сокращений	401

ХРОНИКА

В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Третья тюркологическая конференция	403
---	-----

Ю. И. Трифонов

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ С КОНЕМ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ

**(в связи с вопросом о структуре погребального обряда
тюрков-тугю)**

Среди многочисленных и разнообразных погребальных памятников Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана, относящихся к эпохе раннего средневековья, особое место принадлежит погребениям, совершенным по обряду трупоположения с конем. Этот специфический тип погребений, издавна характерный почти исключительно для кочевых и полукочевых племен евразийских степей, и в VI—X вв. н. э. встречается преимущественно в основных областях сложения и бытования их этнополитических объединений — в Туве и на Алтае, в Монголии, Восточном Казахстане и Семиречье, на Тянь-Шане и Памире, в Минусинской котловине. Столь широкое территориальное распространение этих памятников представляет их существенную особенность, свидетельствующую о том, что погребения с конем VI—X вв. не могли принадлежать одной небольшой этнической единице (роду, племени). В то же время эти памятники не являются этнически разнородными, они во многом близки между собой: и по основным элементам обряда — весьма устойчивой погребальной формы, резко отличающейся от других видов позднекочевнических захоронений, и по инвентарю, ведущие категории которого (предметы вооружения, орудия труда и быта, украшения, конский убор и т. д.) в большинстве случаев принципиально сходны, несмотря на часто значительные расстояния, которые разделяют содержащие их объекты один от другого, и на довольно длительный промежуток времени существования погребений с конем. Исходя из этих обстоятельств, происхождение и принадлежность последних обычно связывают с одним большим этническим кругом. Таким кру-

гом почти всеми исследователями справедливо считаются древнетюркские этнические общности VI—X вв.¹, история и культура наиболее известных родо-племенных группировок которых (тугю, теле и пр.) получили довольно хорошее освещение в письменных источниках.

Но если принадлежность погребений с конем в целом к древнетюркскому этнокультурному массиву почти не вызывала и не вызывает сейчас никаких сомнений, то суждения об отнесении их к конкретным племенам VI—X вв. нередко совершенно различны. Между тем выяснение этого вопроса имеет важнейшее значение для решения целого ряда кардинальных проблем древнетюркской истории и археологии — проблемы происхождения отдельных этнических групп, их территориальной и хронологической локализации, своеобразия социальной и имущественной дифференциации древнетюркского общества и т. д.

Кроме того, вопрос об этнической идентификации тюркоязычных племен, оставивших погребения с конем, неразрывно связан с таким существенным, но дискуссионным вопросом, как вопрос о структуре погребального обряда тюрков-тугю; больше того, от выяснения первого во многом зависит и окончательное решение второго. Учитывая последнее обстоятельство, мы построили свое изложение таким образом, что рассмотрение точек зрения на этническую принадлежность погребений с конем будет даваться здесь совместно с анализом существующих представлений о погребальном обряде тюрков-тугю.

Рассмотрим вначале разноречивые мнения о назначении такой характерной группы древнетюркских объектов, как четырехугольные оградки, которые нередко сопровождаются каменными изваяниями и рядами столбиков-балболов, т. е. комплексов, несомненно оставленных (о чем говорят источники² и что подтверждают раскопки) тюрками-тугю.

¹ Под древнетюркскими этническими общностями мы понимаем общности древних тюркоязычных племен, сформировавшиеся в период древнетюркского времени и легшие в основу образования многих современных тюркоязычных народов. Под древнетюркским временем, по поводу хронологических границ которого в литературе не существует единого мнения, как и относительно содержания данного понятия, мы подразумеваем здесь период VI—X вв., употребляя этот термин в широком историческом и этнокультурном значении. Подробнее об этом см.: А. Д. Грач, *Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени*, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 188—193; Ю. И. Трифонов, *Древнетюркская археология Тувы*, — УЗТНИИЯЛИ, вып. XV, стр. 113.

² Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950, стр. 230.

Одни ученые считают оградки памятниками «ритуальными»³, которые или вообще не были связаны с погребениями в одном археологическом комплексе, т. е. сооружались отдельно от них в определенных, возможно, «излюбленных» местах «для совершения поминок по умершим»⁴, или же были «расположены вблизи» от погребений, находившихся либо в соседних курганах, чаще всего по обряду трупоположения с конем⁵, либо в сопутствующих четырехугольным оградкам «кольцевых выкладках», в которых производилось захоронение остатков трупосожжения⁶. Наличие отмеченных здесь вариантов в соотношении оградок и погребений для выяснения первой точки зрения на назначение оградок несущественно, поскольку всеми ее приверженцами эти объекты мыслятся не могилами, а жертвенными местами, своего рода «алтарями, сооруженными в память погребенных»⁷, иными словами — как памятники поминальные, связанные с заупокойно-погребальным культом⁸.

Другие исследователи, наоборот, считают оградки «могильными памятниками», несмотря на то что в них не обнаружено погребений⁹. Некоторые из сторонников этой точки зрения предполагают, что в оградках «производилось символическое сожжение покойника и его погребального инвентаря»¹⁰; другие же убеждены, что в них совершалось «захоронение пепла» сожженного на помосте человека¹¹. Как бы то ни было, указанные исследователи склонны видеть в подобных сооружениях памятники погребальные.

Имеет место и негативное высказывание относительно назначения древнетюркских оградок, касающееся, правда, не всех, а лишь кудыргинских объектов, что, на наш взгляд, не меняет существа вопроса. Его автор утверждает, что для оп-

³ Я. А. Шер, Каменные изваяния Семиречья, М.—Л., 1966, стр. 14; С. И. Вайнштейн, Очерк этногенеза тувинцев,— УЗТНИИЯЛИ, 1957, вып. V, стр. 183.

⁴ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 26.

⁵ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Северного Алтая,— «Труды ГИМ», 1941, вып. XVI, стр. 132.

⁶ А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии,— «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 209—210.

⁷ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Северного Алтая, стр. 132.

⁸ С. И. Руденко, К палеоантропологии Южного Алтая,— «Казак», Л., 1930, стр. 139; С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры,— СЭ, 1966, 3, стр. 61.

⁹ М. П. Грязнов, Раскопки на Алтае,— «Сообщения ГЭ», 1940, I, стр. 20.

¹⁰ Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 18.

¹¹ Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967, стр. 260, прим. 9.

ределения характера этих построек у нас пока «нет прямых данных»¹².

Не вдаваясь в анализ изложенных точек зрения, подчеркнем тот принципиальный факт, что все ученые, несмотря на разногласия в интерпретации функционального назначения оградок, не сомневаются в принадлежности их тюркам-тугю. Не вызывают, кажется, особых возражений и хронологические рамки их бытования — VI—VIII вв., хотя некоторые археологи не исключают и возможности появления упомянутых сооружений в более раннее время¹³.

Но этим, пожалуй, и исчерпывается единодушие во взглядах тюркологов по вопросам структуры погребального обряда тугю и его аксессуарам. В остальном у исследователей существуют различные представления, основанные помимо различного подхода к оградкам на неодинаковом толковании ими одних и тех же сведений, содержащихся в письменных источниках. Мы имеем в виду прежде всего те сообщения китайских хроник, в которых описывается обряд трупосожжения с конем у тюрков-тугю и затрагивается вопрос о смене этого обряда обрядом трупоположения.

Разными исследователями эти сведения трактуются по-разному, в зависимости от сложившейся у каждого из них точки зрения на отдельные аспекты данного обряда, в том числе и по вопросу о принадлежности погребений с конем этой родо-племенной группе.

Одни исследователи (Л. Р. Кызласов) исходят из того, что обряд погребения с конем, являющийся до VI в. н. э. «специфическим и этнически своеобразным лишь для племен Алтая», с VI в., в связи с распространением алтайских тюрков, создавших свое «гигантское по территории государство», распространился «на обширные пространства от Великой китайской стены до Каспийского моря и от Алтая (на севере) до Тянь-Шаня и Синьцзяна (на юге)». Его носителями были, по Л. Р. Кызласову, тюрки-тугю, хоронившие «всюду в VI—VIII вв. ... по обряду трупоположения с конем» и не изменявшие своей старой алтайской традиции. Указание же «китайских хроник о трупосожжениях с конем относится лишь к самой верхушке тюрков», о чем свидетельствуют, по мнению цитируемого автора, и замечание Н. Я. Бичурина о похоронах по этому обряду «хана, и по нем знатных и богатых людей», и тот факт, что «в 634 г. труп умершего кагана Хйели был

¹² А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1965, стр. 18.

¹³ Там же, стр. 17; Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, — МИА, 1952, 24, стр. 118.

сожжен, а тюрки, умершие от эпидемии, были погребены без сожжения». Но и «сожжение трупа Хйели было последним погребением по этому обряду даже и каганов тюрков», утверждает Л. Р. Кызласов, ссылаясь на речь Тайцзуна 628 г., в которой последний «говорил о том, что тюрки оставили свой обычай сжигать трупы умерших и погребают под курганами»¹⁴.

Сведя воедино все столь подробно приведенные высказывания и дополнив их позицией автора в отношении назначения оградок и статуйных памятников, нетрудно заметить, что они представляют собой четкую и ясно сформулированную концепцию погребального обряда тюрков-тугу, основные положения которой сводятся к следующему.

1. Обряд погребения человека с конем, в предтюркское время (до VI в. н. э.) зафиксированный только на Алтае, с VI в. распространяется на огромной территории Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана. Он присущ исключительно племенам алтайских тюрков, отождествляемых с тюрками-тугу китайских летописей.

2. Данный обряд был свойствен основной массе этих племен — рядовым членам тугу, у которых никакого иного, по видимому, и не существовало¹⁵. Не произошло у них и смены обряда, так как не только в VI—VIII вв., когда тюрки, господствуя в степи, «всюду» хоронили по своим «алтайским обычаям»¹⁶, но и в VIII—IX и в IX—X вв., когда с потерей политической гегемонии районы их кочеваний были, естественно, сильно ограничены, «присущий тюркам обычай погребения с конем»¹⁷ сохраняется.

3. Изменение обряда, отразившееся в письменных источниках, произошло не у всех тюрков-тугу, а лишь у их «правящей верхушки», для которой до первой трети VII в. был характерен обряд трупосожжения с конем, а позже — трупоположения «под курганами». Какова стала конкретная форма этого обряда — одиночные захоронения, погребения с конем и т. д., Л. Р. Кызласов подробно не поясняет, но, очевидно, судя по отдельным его высказываниям, это были все же (применительно к «тюркской знати») погребения с конем¹⁸.

4. Поминальные сооружения «рядовых тюркских воинов

¹⁴ Все приведенные в этом абзаце цитаты взяты из работы Л. Р. Кызласова «Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.)», — «Вестник МГУ», сер. IX, Истор. науки, 1960, 1, стр. 51—53, прим. 2.

¹⁵ Л. Р. Кызласов ни в одной своей работе о каких-либо других обрядах, присущих этой социальной группе тюрков-тугу, не упоминает.

¹⁶ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 23.

¹⁷ Там же, стр. 108.

¹⁸ Там же, стр. 78.

VI—VIII вв.»¹⁹ (оградки и пр.) начинают бытовать по крайней мере с VI в., появляясь одновременно с погребениями с конем, принадлежащими им же, но «чаще всего оградки... не связаны с расположением курганов»²⁰.

К изложенной концепции близка позиция и многих других исследователей, но нужно отметить, что по всем пунктам она почти никем из них не разделяется. Обратимся вначале к тем тюркологам, которые, как и Л. Р. Кызласов, «погребения с конем... относят к племенам туюку»²¹, подразумевая под последними алтайских или орхоно-алтайских тюрков.

Так, например, Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, датируя самые ранние древнетюркские погребения с конем на Алтае V—VI вв. (могильник Кудыргэ)²² и не исключая возможности появления в одно время с ними поминальных оградок «еще в гуннскую эпоху»²³, распространение этих непосредственно взаимосвязанных комплексов за пределы Алтая, в частности в Монголию²⁴, объясняют распространением сюда алтайских тюрков, которым они принадлежали. В этом их точка зрения адекватна сформулированной выше, так же как и утверждение, что оградки являлись жертвенными местами в память погребенных в соседних курганах (с конем)²⁵, по сути дела исключающее возможное предположение, что эти исследователи могли допускать наличие у алтайских тюрков (рядовой массы) обряда трупосожжения. Однако в отличие от Л. Р. Кызласова они не связывают все погребения с конем только с тюрками-туюку, полагая, что некоторые из них (в частности, обнаруженные в Минусинской котловине) принадлежали кыргызам²⁶, а собственно алтайские, — по-видимому, племенам теле. В отношении же смены обряда у каганской верхушки туюку позиция Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева не вполне ясна, так как по этому поводу у них нет прямых высказываний.

Такие высказывания существуют в работах целого ряда других авторов (С. И. Вайнштейн, А. Д. Грач, С. Г. Кляш-

¹⁹ Л. Р. Кызласов, О значении термина *балбал* древнетюркских надписей, — «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», стр. 208.

²⁰ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 26.

²¹ «История Тувы», т. I, М., 1964, стр. 106.

²² С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 497.

²³ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, стр. 118.

²⁴ Л. А. Евтюхова, О племенах Центральной Монголии в IX в., — С.А. 1957. 2, стр. 224.

²⁵ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Северного Алтая, стр. 132.

²⁶ Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948, стр. 60—67.

торный, Л. П. Потапов), которые хотя и солидаризируются с Л. Р. Кызласовым в вопросах об алтайском происхождении древнетюркских погребений с конем и их принадлежности тюркам-тугю, а также о причинах появления этого обряда на широкой азиатской территории, но с иными положениями его концепции не согласны. Основные разногласия между отмеченными сторонами состоят в том, какой социальной группе тугю был присущ обряд трупосожжения и как долго он у них сохранялся. В отличие от Л. Р. Кызласова указанные исследователи считают, что этот обряд был свойствен не только верхушке тюрков, у которой он достоверно зафиксирован письменными источниками, но и принадлежал вначале рядовым тугю, что, по мнению некоторых авторов, «подтверждается прямым сообщением китайской летописи»²⁷, а также археологическими раскопками²⁸.

Именно у рядовых членов данной родо-племенной группировки и произошла смена обряда трупосожжения обрядом трупоположения, распространение которого началось еще в VI в., как полагает С. И. Вайнштейн, поскольку «курганы алтайских тюрков, содержащие такие погребения, известны с VI в.»²⁹. Интенсивное же вытеснение старого обряда новым относится к первой трети VII в., когда, по мнению А. Д. Грача, трупосожжение перестало являться «господствующей формой погребального обряда у племен, входивших в первый тюркский каганат»³⁰, а обычной его формой стало «для рядовых воинов-кочевников... погребение с конем» (С. Г. Кляшторный)³¹.

На возникающий закономерно вопрос, каким образом устанавливается столь точная дата описанного явления, «вполне определенный ответ», утверждают исследователи³², дают все те же письменные источники. Что же касается обряда трупосожжения у верхушки тюрков, то он у «членов каганской фамилии не изменился»³³ и, «по-видимому, имел место

²⁷ Л. П. Потапов, А. Д. Грач, Тува в составе тюркского каганата, — «История Тувы», т. I, стр. 107.

²⁸ Там же, стр. 107—108; А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 207—211.

²⁹ С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 61, прим. 9.

³⁰ А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 211.

³¹ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 58, прим. 53.

³² А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 211; С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 61, прим. 9.

³³ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 58, прим. 53.

на Орхоне и позднее — при погребениях тюркских каганов, принцев и наиболее выдающихся деятелей II тюркского каганата»³⁴. Этим, возможно, и объясняется «то обстоятельство, что все попытки найти могилы Кюль-Тегина и других представителей каганского рода в местах их погребений остались безрезультатными»³⁵.

Таковы точки зрения на погребальный обряд тугю перечисленных исследователей. Как видим, они значительно расходятся с концепцией Л. Р. Кызласова, к которой наиболее близка позиция лишь Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева, да и то не по всем пунктам. Если же принять во внимание, что у большинства только что упомянутых авторов существуют свои, отличные от Л. Р. Кызласова, представления о взаимосвязанности оградок с местами погребений (А. Д. Грач)³⁶ и даже о характере этих сооружений (Л. П. Потапов)³⁷, то, очевидно, нужно считать, что изложенные выше взгляды отмеченных тюркологов по интересующим нас вопросам, — взгляды, расходящиеся в частности, но единые по основным пунктам, — являются ничем иным, как другой целостной концепцией. С первой точкой зрения она согласуется только в одном — в принадлежности погребений с конем тюркам-тугю, где бы эти объекты ни находились, — в Туве или на Алтае, в Монголии или Средней Азии³⁸. Впрочем, этот момент не вызывает сомнений и у целого ряда других ученых³⁹, у которых, к сожалению, не встречается более подробных высказываний по остальным аспектам погребального обряда тугю.

Не следует, однако, думать, что столь широко распространенное мнение об этнической принадлежности погребений с конем тюркам-тугю разделяется подавляющим большинством исследователей. Мы уже приводили мнение Л. А. Евтюховой и С. В. Киселева на сей счет. Нечто принципиально сходное высказывал и А. Н. Бернштам, видевший в подобных погребениях на Тянь-Шане подтверждение существования здесь памятников не орхоно-алтайского типа, а «енисейско-

³⁴ А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 211.

³⁵ С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 61, прим. 9.

³⁶ См. наст. изд., стр. 353, 362, 363.

³⁷ См. выше, стр. 353; Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, стр. 18—19, 86—87.

³⁸ Но даже и это утверждение требует оговорки, так как некоторые из перечисленных исследователей (А. Д. Грач, Л. П. Потапов) допускают возможность существования обряда погребения с конем не только у тюрков-тугю, но и у других тюркоязычных племен.

³⁹ Я. А. Шер, Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане, — СА, 1963, 2, стр. 163; Л. П. Зяблин, Средневековые курганы на Иссык-Куле, — «Труды КАЗЭ», М., 1959, т. II, стр. 153, прим. 7.

кыргызского», прямо свидетельствующих, но его убеждению, «о проникновении енисейских кыргызов в IX в. на Тянь-Шань»⁴⁰. Кроме этих авторов нужно отметить и Ф. Х. Арсланову, склоняющуюся при характеристике казахстанских погребений с конем VIII—IX вв. к мысли, что их следует считать памятниками «местных тюркоязычных племен, входивших в кипчакско-кимакское политическое объединение»⁴¹.

Наиболее же твердыми сторонниками точки зрения, согласно которой памятники данного типа принадлежат не тюркам-тугу, а другим племенам, являются в настоящее время А. А. Гаврилова и Л. Н. Гумилев, занимающие в соответствии со своими взглядами на этот вопрос особую позицию и в отношении погребального обряда тугу. Последняя представляет собой по сути дела еще одну концепцию поднятой здесь проблемы. Для ее авторов нет никакого сомнения в том, что у рядовых тюрков-тугу существовал обряд трупосожжения, как был он характерен для их правящей верхушки. Больше того, Л. Н. Гумилев, считая оградки памятниками погребальными, убежден, что тюрки-тугу, которых он называет тюркютами,—эта господствующая в VI—VIII вв. группа всех тюркоязычных племен, входивших в Первый и Второй каганаты,—и не меняли своего обряда. Упоминание же письменных источников о том, что в 630 г. из-за эпидемии «по южную сторону Долгой стены лежали груды человеческих костей», он объясняет тем, что тогда «трупы не успевали сжигать, и только». С его точки зрения это был лишь эпизод, непредвиденное исключение в системе погребально-культовых церемониалов тугу, вызванное стихийным бедствием, но никак не сознательным отходом от прежних обычаев и традиций.

Приблизительно таким же образом комментируются и слова Тайцзуна, отмечавшего в 628 г., что тюрки перестали сжигать покойников, а погребают их под курганами. Л. Н. Гумилеву «совершенно очевидно, что захоронение трупа рассматривалось как страшное нарушение традиции», которое, по мнению китайцев, повлечет за собой «гибель от богов и духов». Когда же «порядок восстановился... прах Кат Иль-хана (Хйели-кагана.— Ю. Т.) был сожжен, а в 639 г. также был сожжен прах его племянника Хэлоху». Что же касается погребений по обряду трупоположения и, в частности, погребений с конем, то они, полагает Л. Н. Гумилев, вопреки утверждению Л. Р. Кызласова, с которым он полемизирует,

⁴⁰ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрально-Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952 (МИА, 26), стр. 83—84.

⁴¹ Ф. Х. Арсланова, Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане, — «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана», Алма-Ата, 1969, стр. 57.

были свойственны «кочевым подданным тюркютских ханов, унаследовавшим наименование „тюрк“, но не... самим тюркютам»⁴².

А. А. Гаврилова также убеждена, что обряд погребения с конем, характеризующий различные, установленные ею типы алтайских могил поздних кочевников (берельский, кудыргинский, катандинский и отчасти сrostкинский), — типы, последовательно сменяемые один другим в течение V—IX вв. и известные не только на Алтае, но и на иных древнетюркских территориях, — принадлежал не тугю, а различным древнетюркским племенам. Так, например, «памятники берельского типа отражают культуру алтайских племен тйеле до прихода на Алтай тюрк-тугю в конце V в.»⁴³, а наличие тех же черт в обряде погребения в катандинских курганах «подтверждает принадлежность и этой группы памятников к племенам тйеле, как считал С. В. Киселев»⁴⁴. Кудыргинские же могилы сооружали не тйеле, или теле, а какое-то иное «племя, близкое по культуре к населению Дуная времени появления авар»⁴⁵, но этнически пока, по мнению А. А. Гавриловой, трудно определимое⁴⁶.

Одним словом, для нее несомненно, что погребения с конем не принадлежали тюркам-тугю. Это, однако, не означает, что обряд трупосожжения у тугю не изменился. Смену обряда А. А. Гаврилова допускает, ссылаясь на детское погребение с «изваянием»-валуном (Кудыргэ), явно сооруженное, на ее взгляд, «теми, кто мог ставить изваяния при могилах на Алтае, т. е. тюрками-тугю»⁴⁷. При этом автор предполагает, «что тюрки-тугю с переходом от трупосожжения к трупоположению хоронили не в обычных курганах, как считалось ранее, а... на могильниках, состоящих из оградок без насыпей и с насыпами. В последних можно ожидать, вероятно, захоронения с трупоположением»⁴⁸.

Итак, изложены все основные концепции погребального обряда тугю и неразрывно связанные с ними точки зрения исследователей на этническую принадлежность древнетюркских погребений с конем. Как можно было убедиться, ни по одному из выделенных здесь существенных аспектов проблемы, за исключением твердо установленных фактов наличия

⁴² Все приведенные в этом абзаце цитаты взяты из монографии Л. Н. Гумилева «Древние тюрки», стр. 260, 261, прим. 9.

⁴³ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ, стр. 105.

⁴⁴ Там же, стр. 65.

⁴⁵ Там же, стр. 104.

⁴⁶ Там же, стр. 60, 105.

⁴⁷ Там же, стр. 18.

⁴⁸ Там же, стр. 20.

обряда трупосожжения у каганской верхушки тюрков-тугю и принадлежности этой родо-племенной группе оградок и часто сопутствующих им статуарных памятников, в историко-археологической литературе не сложилось единого мнения. Такой разницей в понимании важнейших моментов древнетюркской этнокультурной истории объясняется, конечно, и объективными причинами (недостаточное количество письменных данных о погребальных обрядах различных тюркоязычных племен VI—X вв., недостаточная разработанность археологического материала, особенно погребальных комплексов, на широком территориальном и хронологическом фоне и т. д.), и причинами субъективного порядка, порождаемыми сложившимися у исследователей представлениями о совокупности черт погребального обряда тугю, которые в свою очередь основаны на той или иной авторской интерпретации одних и тех же отрывков письменных источников, одних и тех же археологических памятников.

Какое же решение данной проблемы в целом или отдельных ее аспектов убедительнее? Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, очевидно, уяснить три главных момента.

1. Был ли обряд трупосожжения, твердо зафиксированный китайскими хрониками у каганской фамилии тюрков-тугю, свойствен и их рядовым соплеменникам, а если был, то на протяжении какого периода? Какие конкретные археологические памятники или свидетельства письменных документов отражают существование этого обряда?

2. Как долго сохранялся обряд трупосожжения у тугю и произошла ли смена данного обряда обрядом трупоположения, а если произошла, то у какой социальной группы тугю, во-первых, и в какой конкретной форме (одиночное захоронение, погребение с конем и пр.), во-вторых?

3. Имеются ли прямые факты (письменные и археологические), подтверждающие наличие обряда трупоположения с конем у тюрков-тугю? Мог ли этот обряд принадлежать другим тюркоязычным племенам VI—X вв.? В каком хронологическом и территориальном соотношении находятся памятники, характеризующие обрядом погребения с конем, с памятниками, несомненно оставленными тугю (оградки, изваяния)?

Обратимся к рассмотрению всех этих вопросов.

По первому из них разногласия существуют, как было установлено, между сторонниками первой концепции, прямо (Л. Р. Кызласов) или косвенно (Л. А. Евтюхова, С. В. Киселев) отрицающими наличие обряда трупосожжения у основной массы тюрков-тугю, с одной стороны, и приверженцами второй и третьей концепций, большинство которых пола-

гает, что данный обряд был свойствен рядовым членам этой родо-племенной группы на начальном этапе ее этнокультурной истории (до первой трети VII в.)⁴⁹, — с другой. Нам представляется, что в принципе более правомерна вторая точка зрения. Она подтверждается прежде всего, как справедливо отмечали Л. П. Потапов и А. Д. Грач, «прямым сообщением китайской летописи о том, что тюкю и на поле боя трупы своих воинов сжигали»⁵⁰. Характерно, что в хрониках, в том числе и в составленных раньше, чем *Тан-шу* (где повествуется, по мнению Н. Я. Бичурина, о «похоронах хана, и по нем знатных и богатых людей»⁵¹), — *Чжоу-шу* и *Суй-шу*⁵² — говорится о сожжениях тугю, без акцентации на то, что этот обряд погребения был присущ только каганской верхушке гюрков.

В пользу второй точки зрения свидетельствуют и некоторые археологические памятники, содержащие погребения с трупосожжениями, даже если полностью исключить из их числа оградки как сооружения погребальные. Мы имеем в виду те памятники, которые были открыты А. Д. Грачом в Юго-Западной и Южной Туве и датированы им «VI — первой половиной VII в. н. э.»⁵³. Характерная особенность этих объектов — наличие обломков кальцинированных костей человека (либо перекрытых каменными плитками, либо залегающих под дерновым слоем) в кольцевых выкладках, расположенных рядом с четырехугольными оградками, внутри которых находятся стелы, иногда с руноподобными знаками на них и тамгообразными изображениями горных козлов. Хотя интерпретация этих знаков, являющихся одним из отправных пунктов в определении датировки и этнической принадлежности памятников данного типа, и вызвала полемику⁵⁴, связанную с более широкой проблемой датировки памятников ени-

⁴⁹ За исключением Л. Н. Гумилева, который считает, что у тюркотов этот обряд бытовал и позже, — см. выше, стр. 359, 360.

⁵⁰ Л. П. Потапов, А. Д. Грач, Тува в составе тюркского каганата, стр. 107; со ссылкой на Лю Мао-цзая, — Liu Mao-t'ai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (Tu-kü), Bd I, Wiesbaden, 1958, стр. 95.

⁵¹ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 230, прим. 1.

⁵² С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 15—16.

⁵³ А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 207—211; его же, Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге, — «Труды ТКЭАН», М.—Л., т. II, 1966, стр. 105, рис. 32.

⁵⁴ И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, — УЗТНИИЯЛИ, 1963, вып. X, стр. 293—294; Л. Р. Кызласов, О датировке памятников енисейской письменности, — СА, 1965, 3, стр. 39—40, прим. 16; А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 210, прим. 8.

сейской письменности⁵⁵, все же имеется, на наш взгляд, достаточное количество оснований, чтобы отмеченные комплексы считать действительно древнейшими тюркскими погребениями с сожжением в Центральной Азии, т. е. погребениями тюрков-тугу. Эти основания, помимо спорных лингвистических, — чисто археологические: 1) наличие в кольцевых выкладках несомненных остатков трупосожжения; 2) соответствие некоторых существенных особенностей обряда, зафиксированных в данных памятниках, таким же особенностям погребального обряда тугу, известным по письменным источникам.

Под особенностями обряда тугу мы подразумеваем соотношение поминальных и погребальных сооружений и их облик. Дело в том, что в хрониках прямо указывается на тип этих сооружений и их взаимное расположение. Так, в *Тан-шу* сказано, что после сожжения умершего тюрка-тугу «собирают пепел и зарывают... в могилу», а «в здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни»⁵⁶. Именно эти детали обряда и его атрибуты находят наибольшее, когда-либо прослеженное в археологических комплексах, соответствие в тувинских памятниках⁵⁷. Действительно, могилой здесь служит неглубокая ямка в кольцевой выкладке, где зарыты пепел и кости человека — остатки трупосожжения, совершенного «в определенное время года», а символическим зданием при могиле — четырехугольная оградка⁵⁸, которая, хотя и не сопровождается изваянием и балбалами по числу убитых врагов, как (согласно летописи и археологическим данным) многие из тюркских оградок, а заключает в себе стелу, все же явно им идентична. Сомневаться в последнем утверждении не приходится, так как недавно в Центральной Туве исследован еще один объект, аналогичный упомянутым выше, также состоящий из типично тюркской четырехугольной оградки (правда, без изваяний

⁵⁵ Основную литературу см., например, в статьях: С. И. В а й н ш т е й н, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 78, прим. 125; А. Д. Г р а ч, Итоги и перспективы археологических исследований в Туве,— КСИА, 1969, 118, стр. 53, прим. 35.

⁵⁶ Н. Я. Б и ч у р и н, Собрание сведений, стр. 230.

⁵⁷ На это первым обратил внимание Д. Г. Савинов (см. его статью выше).

⁵⁸ В литературе неоднократно подчеркивалось, что «сооружение здания при могиле — это одно из наиболее пышных проявлений погребального ритуала, соблюдавшееся при захоронении наиболее знатных лиц» (А. Д. Г р а ч, Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 211), а «рядовое население сооружало каменные оградки, со статуей или плитой» «взамен здания» (Л. Р. К ы з л а с о в, История Тувы в средние века, стр. 30).

и балбалов⁵⁹, но и без стелы) и находящейся рядом с ней кольцевой выкладки с зольными пятнами в ее пределах⁶⁰.

Все это позволяет считать привлеченные здесь памятники памятниками погребально-поминальными, оставленными тюрками-тугу в VI—VII вв., что, на наш взгляд, подтверждает отрывочные сообщения письменных источников о наличии обряда трупосожжения не только у высшей знати данной родоплеменной группы, но и у рядовой ее массы⁶¹.

Но подобная форма обряда не исключает существования и других типов погребений с трупосожжениями, принадлежащими туго, в частности, погребений под курганами⁶², с чем, возможно, косвенным образом свидетельствует большое разнообразие видов их поминальных построек: храмы каганской фамилии на Орхоне⁶³, сооружения знати в провинциях каганата⁶⁴, различные типы оградок⁶⁵ и т. д. Вполне вероятно, что многие из них и не будут непосредственно связаны с местами погребений⁶⁶. Насколько верны эти предположения, покажут дальнейшие исследования, особенно не единичных, а серийных объектов, например, скоплений оградок, раскопки которых нужно вести, как уже подчеркивалось⁶⁷, широкой площадью.

Перейдем теперь к рассмотрению второго аспекта проблемы, в котором важнейшее значение приобретает выяснение вопроса о длительности бытования обряда трупосожжения у туго и о смене его обрядом трупоположения. До сих пор этот вопрос решался преимущественно путем анализа сведений, содержащихся в письменных источниках. Однако, как мы видели, эти немногочисленные свидетельства разными ис-

⁵⁹ Одиночных оградок без каких-либо дополнительных сооружений на территориях древнетюркского мира насчитывается довольно много, — см., например: Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 26; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 261.

⁶⁰ Раскопки 5-го отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР в 1966 г.; материал не опубликован.

⁶¹ А. Д. Грач полагает, что памятники из «Хачы-Хову и в верховьях Хемчика» оставлены тюркской знатью этой области каганата (Древнейшие тюркские погребения с сожжением, стр. 211).

⁶² Курганная форма погребений остатков трупосожжения, очевидно, имела место: об этом свидетельствует и то, что прах Хйели был погребен под курганом (Liu Ma u-t'sai, Die chinesischen Nachrichten, Bd I, стр. 197; Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 254), и наличие курганов с остатками трупосожжений в Туве, возможно, действительно принадлежавших «древним тюкю» («История Тувы», стр. 107—108).

⁶³ См., например: L. Jisl, Vorbericht über die archäologische Erforschung des Kül-tegin-Denkmal, — UAJ, 1960, Bd XXXII, H. 1—2.

⁶⁴ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 33—35.

⁶⁵ Там же, стр. 26.

⁶⁶ Там же, стр. 39.

⁶⁷ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ, стр. 18.

следователями интерпретируются по-разному. И действительно, двоякая трактовка одних и тех же сообщений китайских хроник вполне допустима. Так, например, упоминание летописи о том, что во время эпидемии «по южную сторону Долгой стены лежали груды человеческих костей»⁶⁸, можно объяснить и спецификой обряда рядовых тюрков-тугю («были погребены без сожжения»⁶⁹), и тем, что «трупы не успевали сжигать, и только»⁷⁰. Аналогичным образом можно расценивать и слова Тайцзуна, говорившего в 628 г. об оставлении тюрками обычая сжигать покойников и о погребениях под курганами. С одной стороны, их можно комментировать как факт перехода всех тугю к иному погребальному обряду (Л. Р. Кызласов), с другой — как свидетельство временного нарушения традиции, события настолько исключительного, что оно было отмечено даже китайским императором, предъявившим это обвинение Хйели-кагану (Л. Н. Гумилев). В сожжении же праха Хйели опять-таки можно видеть и восстановление прежних погребальных обычаев (Л. Н. Гумилев), и заключительное погребение «по этому обряду даже и каганов тюрков»⁷¹.

Одним словом, письменные источники не дают нам твердых и исчерпывающих сведений о смене погребального обряда не только рядовых тюрков-тугю, но даже и их каганской верхушки. Примечательно, что в летописях ничего не говорится и о конкретной форме погребений под курганами, в то время как при сожжениях «богатых и знатных людей» в эпоху Первого тюркского каганата специально подчеркивается, что в «избранный день берут лошадь... и вещи... вместе с покойником сжигают»⁷².

Не представляют прямых данных для решения вопроса о смене обряда у тугю и археологические материалы, так как из всех погребений с труположением мне известен лишь один памятник, возможно, оставленный этой родо-племенной группой, — детская могила с «изваянием»-валуном на Алтае (Кудыргэ). Никакие другие определенно таковыми считаться не могут, если следовать букве летописного источника; в противном случае тюркам-тугю можно приписать любые погребения «под курганами», инвентарь которых сходен с реалиями, изображенными на изваяниях. Между тем, как отме-

⁶⁸ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 256.

⁶⁹ Л. Р. Кызласов, Тува в период тюркского каганата, стр. 53, прим. 2.

⁷⁰ Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 261, прим. 9.

⁷¹ Л. Р. Кызласов, Тува в период тюркского каганата, стр. 53, прим. 2.

⁷² Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 230.

чалось, многие авторы полагают, что изменение обряда у тугу имело место в начале VII в. и конкретной формой нового обряда стало погребение с конем. Прежде чем рассмотреть, закономерно ли такое утверждение, подчеркнем один аспект методического характера.

Поскольку письменные источники не содержат прямых данных, позволяющих относить погребения с конем к тюркам-тугу или к иным древнетюркским племенам, как не содержат таких «данных», подобно кудыргинской могиле, и сами погребения, то совершенно очевидно, что вопрос об их этнической принадлежности может решаться только косвенно — на основе результатов, полученных путем анализа особенностей обряда этих погребений и их инвентаря, путем территориального, хронологического и формально-типологического (применительно к вещам и их изображениям) сопоставлений этих памятников с памятниками, явно принадлежащими тугу (оградки, изваяния), и т. д. До сих пор, однако, этот момент мало обращал на себя внимание исследователей, а решение вопроса большей частью находилось в прямой зависимости от интерпретации только соответствующих свидетельств письменных документов. Представляется, что такой подход не совсем правомерен, так как определение этнической принадлежности погребений с конем в большей степени зависит от разработки их самих как археологических памятников. Коснемся вначале вопросов происхождения и датировки погребений.

Некоторые исследователи (Л. Р. Кызласов) полагают, что обряд погребения с конем начиная со скифского времени был ограничен сравнительно узкой территорией Горного Алтая, и лишь здесь он «продолжал существовать в предтюркский период (до VI в. н. э.)»⁷³, свидетельством чему служат «раннетюркские курганы V—VI вв. (Кудыргэ)»⁷⁴. Из этих утверждений логически вытекает вывод, что происхождение данного обряда может связываться только с упомянутым регионом и только с алтайскими тюрками-тугу, которые «в VI в... распространили этот обряд на обширные пространства»⁷⁵.

Однако для эпохи ранних кочевников этот обряд зафиксирован помимо Алтая и в Восточном Казахстане⁷⁶, и в Юж-

⁷³ Л. Р. Кызласов, Тува в период тюркского каганата, стр. 53, прим. 2.

⁷⁴ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 181, прим. 7.

⁷⁵ Л. Р. Кызласов, Тува в период тюркского каганата, стр. 53, прим. 2.

⁷⁶ Ф. Х. Арсланова, Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане, стр. 49 (Зевакинский могильник).

ной Туве⁷⁷, а в более позднее время (II—IV вв. н. э.) — и на Верхней Оби⁷⁸. Уже одно это делает заключение, что «в тот период ни в Центральной, ни в Средней, ни в Северной Азии подобного обряда не существовало»⁷⁹, несколько преждевременным. Не подтвердилась и датировка могильника Кудыргэ, который, как доказала А. А. Гаврилова, относится не к V—VI вв., а к концу VI—VII в., т. е. ко времени «после сложения первого тюркского каганата (552—630 гг.), а не до его сложения»⁸⁰.

Последнее, однако, не означает, что на Алтае нет погребений с конем, датируемых предтюркским временем. Такие погребения имеются (памятники берельского типа — IV—V вв. н. э.), но они, хотя и отражают некоторую «близость к кудыргинским», все же значительно от них отличаются и по деталям обряда, и по особенностям инвентаря⁸¹. Одновременно ни те, ни другие этнически не могут быть связаны с тюркскими оградками, как это хорошо показала А. А. Гаврилова, поскольку кудыргинцев отличают от строителей оградок, соорудивших свои памятники на том же могильнике несколько раньше погребений⁸², различные традиции в изготовлении луков⁸³, а «памятники берельского типа отражают культуру алтайских племен... до прихода на Алтай тюрк-тугу в конце V в.»⁸⁴.

Как видим, проведенные исследования устанавливают значительно более сложную историко-археологическую картину на Алтае, чем это представлялось ранее. Не дают они оснований и для трактовки алтайских погребений с конем как памятников тюрков-тугу, хотя и не исключена возможность, что данный обряд здесь «не прерывался (как полагает и Л. Р. Кызласов.— Ю. Т.)... с периода ранних кочевников»⁸⁵. Более того, последнее обстоятельство свидетельствует, на наш взгляд, как раз в пользу иной этнической принадлежности этих погребений, особенно если учесть, что в дотюркский период они встречаются и на сопредельных с Алтаем территориях, но ни разу не зафиксированы в той области, с которой

⁷⁷ А. Д. Грач, Могильник Саглы-Бажи II и вопросы археологии Тувы скифского времени, — СА, 1967, 3, стр. 222—223.

⁷⁸ М. П. Грязнов, История древних племен Верхней Оби, — МИА, 1956, 48, стр. 103, 105.

⁷⁹ Л. Р. Кызласов, Тува в период тюркского каганата, стр. 53, прим. 2.

⁸⁰ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ, стр. 104.

⁸¹ Там же, стр. 57.

⁸² Там же, стр. 14.

⁸³ Там же, стр. 18.

⁸⁴ Там же, стр. 105.

⁸⁵ Там же, стр. 57.

связана ранняя история (до 460 г.) племени «тюрк», — в Восточном Туркестане и близлежащих районах⁸⁶. Это позволяет очертить возможные границы территории, на которой возник и существовал в дотюркское время обряд погребения с конем, — границы, выходящие за пределы Алтая (Тува, Восточный Казахстан, Верхняя Обь), но локализуемые главным образом в Южной Сибири и прилегающих к ней северных регионах Центральной Азии (Тува). В этой связи интересно сопоставить и распространение самых ранних памятников данного типа собственно древнетюркской эпохи.

До недавних пор считалось, а некоторые специалисты считают и теперь, что среди всей серии погребений с конем всех территорий древнетюркского мира, в частности Тувы, «памятников... непосредственно относящихся к VI в. (типа алтайского могильника Кудыргэ)... пока не обнаружено»⁸⁷. Однако исследование по периодизации древнетюркских погребений при всеобщем их охвате⁸⁸ и по отдельным регионам⁸⁹, а также проверка данных периодизаций на новом материале, полученном в результате раскопок последних лет в Туве⁹⁰, показали, что погребения с конем VI—VII вв. помимо Алтая широко представлены и во многих других древнетюркских областях: в Юго-Западной⁹¹, Западной⁹² и Центральной⁹³ Туве, Минусинской котловине⁹⁴ и Казахстане⁹⁵, на Тянь-Шане⁹⁶. Все они твердо датируются либо по единичным, наиболее характерным для VI—VII вв. формам вещей (ранние ти-

⁸⁶ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 113—114.

⁸⁷ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 18.

⁸⁸ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ, стр. 50 и сл.

⁸⁹ С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 75—80.

⁹⁰ Ю. И. Трифонов, Древнетюркская археология Тувы, стр. 115—121.

⁹¹ С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, стр. 76—77; его же, Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве, — «Труды ТКЭАН», т. II, стр. 329—330.

⁹² А. Д. Грач, Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве, — «Труды ТКЭАН», т. I, стр. 33—38 (курган МТ-57-XXXVII); его же, Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге, — там же, стр. 123—129 (курган МТ-58-X).

⁹³ Ю. И. Трифонов, Древнетюркская археология Тувы, стр. 116—121, рис. 1—6.

⁹⁴ Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 60—64 (курганы из могильников Уст-Тесь и Уйбат II).

⁹⁵ М. К. Кадырбаев, Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана, — «Труды ИИАЭ КазССР», Алма-Ата, 1959, 7, стр. 199 (Егиз-Койтас).

⁹⁶ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрально-го Тянь-Шаня и Памиро-Алая, стр. 81—84 (Аламышик, к. 69).

пы удил, седел, подпружных пряжек, луков и пр.), либо, чаще всего, по их сочетаниям в одном комплексе.

Объективное и убедительно доказанное определение целой группы древнетюркских погребений с конем (к тому же не ограниченной одним узким регионом, а распространенной на широкой территории), как погребений относительно ранних (в сравнении с другими аналогичными им по обряду захоронениями), чрезвычайно существенно, поскольку тем самым очерчивается большой пласт однотипных памятников, синхронных оградкам тюрков-тугу и практически появившихся одновременно с ними (с VI в.) во многих областях древнетюркского мира, а в отдельных районах (Алтай) даже им предшествовавших (берельский тип погребений). На первый взгляд этот факт подтверждает точку зрения, согласно которой именно тюрки-тугу распространили обряд погребения с конем на столь обширные пространства. Однако сопоставление многих данных противоречит подобному заключению.

Во-первых, мы уже установили, что у тугу, по крайней мере в VI—начале VII в., бытовал обряд трупосожжения, причем не только у каганской верхушки этой родо-племенной группировки, но и у рядовых ее членов.

Во-вторых, погребения с конем с VI в. (!) иногда появляются, а впоследствии и довольно широко распространяются на таких территориях, где памятников, принадлежащих собственно тюркам-тугу (оградки, изваяния и пр.), вообще почти не встречено (Минусинская котловина).

И, наконец, в-третьих, погребения с конем даже VI—VII вв., не говоря уже о более поздних, настолько различаются между собой по многим существенным деталям обряда, являющимся, как известно, одним из самых прочных этнических признаков, что сразу же возникает вопрос: а мог ли этот обряд принадлежать одной родо-племенной группировке?

Действительно, если сопоставить данные по совокупным особенностям погребального обряда одновременных памятников (возьмем хотя бы все те же погребения с конем наиболее раннего периода VI—VII вв.) — данные о типах наземных сооружений, о типах могил и их конструктивных деталях (разделительная стенка и пр.), об особенностях захоронения человека и коня (ориентировка, положение и т. д.), а также сведения о специфических для той или иной группы погребений наборах инвентаря, то результаты такого сопоставления совершенно явно будут свидетельствовать о неоднородности наших памятников, несмотря на то что все они относятся по привычке к одному типу — типу погребений

с конем⁶⁷. Так, например, кудыргинская группа погребений, весьма стойкая по обряду и формам специфичных для нее вещей, существенно отличается от синхронных ей памятников Центральной и Западной Тувы, между которыми также наблюдаются определенные различия. Одновременно все эти три группы погребений имеют мало сходного (за исключением общих для всех древнетюркских памятников этого рода черт обряда и наиболее унифицированных форм инвентаря) с минусинской группой и погребениями Средней Азии. Любопытно, что эти последние, наоборот, имеют между собой и с некоторыми погребениями Восточного Казахстана параллели по существенным особенностям обряда (подбой и пр.).

Случайны ли эти различия? Несомненно, не случайны, и на это указывают в первую очередь памятники последующих периодов. Дело в том, что те особенности погребального обряда и инвентаря, которые отмечены для захоронений VI—VII вв. в Туве и на Алтае, в Семиречье и Минусинской котловине, в большинстве случаев остаются присущими и памятникам VII—VIII и иногда даже VIII—IX вв. на тех же территориях. Наиболее отчетливо это прослеживается по западнотувинским и центральнотувинским погребениям, менее, но все же явственно, — по среднеазиатским и минусинским. В тех же случаях, когда такого продолжения не оказывается, например на Алтае, это объясняется чаще всего наличием здесь в последующие периоды памятников уже иного типа, с другими особенностями обряда и инвентаря.

Одним словом, при сопоставлении древнетюркских погребений с конем уже на самом раннем этапе их бытования, — этапе, синхронном появлению и распространению оградок и изваяний тюрков-туго, — мы сталкиваемся с довольно большим их разнообразием, принимающим в дальнейшем еще более сложные формы и несомненно свидетельствующим о существовании локальных вариантов этих памятников. Но чем же могут объясняться такие территориальные различия одно-временных и, как считается, однотипных погребений? С чем они связаны? Надо полагать, что в данном случае они связаны не с различиями социального, общественного или имущественного порядка, хотя таковые и прослеживаются в этих памятниках (но в пределах локальных групп), а с различиями этнического характера, а наиболее вероятно — с различиями родо-племенными в пределах одной большой этнической груп-

⁶⁷ Здесь мы не будем подробно останавливаться на этом вопросе, а ограничимся лишь перечислением групп погребений, между которыми имеются существенные различия по целому ряду признаков, включающих и особенности обряда и инвентаря. Нами подготавливается специальная работа на эту тему.

пы. Могла ли быть такой группой родо-племенная группировка тюрков-тугю? Выше мы уже приводили факты, противоречащие подобному предположению. Можно указать и еще на некоторые.

Во-первых, родо-племенной союз тугю, возглавляемый Ашина, на алтайском этапе его истории выступает уже как монолитная политически и, несомненно, близкородственная этнически группа, прошедшая значительный путь сложения и консолидации. После победы над жуань-жуанями и создания каганата она образовала ту «господствующую прослойку тюркского общества»⁹⁸, ту «верхушку тюрков»⁹⁹, которая в рунических текстах явственно выступает как единое целое (голубые тюрки), часто противопоставляемое другим этническим объединениям, даже и входившим в каганат (теле, кыргызы и пр.). В этой связи показательно, что отличия, существующие между разными видами поминальных сооружений тугю (оградки рядовых воинов, каганские храмы и т. п.), являются в подавляющем большинстве случаев отличиями не принципиально типологическими¹⁰⁰, которые (если бы они имелись) можно было бы объяснить причинами этноплеменного порядка, а отличиями конструктивно-архитектурными, связанными с социально-общественным или имущественным положением умершего¹⁰¹. Этот факт в сравнении с данными погребений с конем чрезвычайно существен, так как подчеркивает тождественность религиозно-культовых воззрений людей, оставивших ритуальные сооружения, что еще раз свидетельствует об этническом их единстве и этническом же отличии от тех племенных групп, которым принадлежали погребения с конем.

Во-вторых, нельзя не обратить внимание на соотношение некоторых предметов, изображенных на изваяниях, и присутствие тех же типов вещей в погребениях с конем. Так, например, на многих древнетюркских статуях VI—VIII вв. воспроизведение сабли — необходимая деталь, в погребениях же этого периода их обнаружены единицы. И наоборот, на изваяниях VIII—IX вв. сабли почти отсутствуют, в то время как

⁹⁸ А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946, стр. 85.

⁹⁹ Л. Р. Кызласов, Тува в период тюркского каганата, стр. 53, прим. 2.

¹⁰⁰ А. Д. Грач, По поводу рецензии Л. Р. Кызласова, — СА, 1965, 3, стр. 304.

¹⁰¹ Ср., например, каганские храмы на Орхоне с оградками рядовых тугю; или же оградки без изваяний — с оградками, около которых стоят статуи «наиболее богатых людей» (Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 26).

в погребениях (правда, без коня — сrostкинско-го типа) они представлены достаточно широко. Характерно, что большое количество сабель найдено в кыргызских погребениях с трупосожжением, датирующихся VIII—X вв. Нечто сходное можно отметить и о кинжалах «уйбатского» типа: они нередко изображены на изваяниях, но ни в захоронениях с конем, ни вообще «в погребениях племен, входивших в состав каганата орхоно-алтайских тугю», «не были встречены»¹⁰². В то же время принадлежностью поясных наборов людей, погребенных с конем в VI—VIII вв., часто являются всевозможные подвески — прямые прототипы металлических «лировидных» блях, но на изваяниях этой эпохи не зафиксировано ни одной. «Лировидные» бляхи представлены на изваяниях поздней «уйгурской» группы, но в это время они уже широко распространяются в качестве атрибута позднечуваческих украшений, о чем и свидетельствует нахождение их в погребениях различных типов VIII—X вв., а также на городищах.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие не тождественность комплексов вооружения, украшений и прочего, прослеживаемых на изваяниях, с одной стороны, и в погребениях с конем — с другой, но и приведенных, очевидно, достаточно, чтобы еще раз усомниться в этнической идентификации данных погребений как памятников, оставленных, подобно оградкам и изваяниям, тюрками-тугу.

Кому же в таком случае они принадлежали? Окончательно ответить на этот вопрос, конечно, трудно, если и вообще возможно, — ведь «тюркское объединение», говоря совершенно справедливыми словами А. Н. Бернштама, «было разномногopleмным по своему составу»¹⁰³, а письменные источники не дают на сей счет абсолютно никаких сведений. Иногда, как мы уже упоминали, погребения с конем предположительно связывают с племенами теле (С. В. Киселев, А. А. Гаврилова), что, пожалуй, наиболее близко к действительности, поскольку именно последние были «коалицией племен», кочевавших на огромной территории, «от Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе»¹⁰⁴. На первых порах тугю «их силами геройствовали в пустынях севера»¹⁰⁵, и, возможно, тогда и началось особенно интенсивное и широкое распространение погребений с конем в границах Великого

¹⁰² А. Д. Грач, Древнетюркские изваяния Тувы, М., 1961, стр. 79. Мне известен лишь один экземпляр, происходящий из могилы «берельского типа» на Алтае — Яконур, курган 5, впускное погребение (ГЭ, 1554/169).

¹⁰³ А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй, стр. 70.

¹⁰⁴ Л. П. Потапов, Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1963, стр. 151.

¹⁰⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 301.

тюркского каганата. Косвенным образом принадлежность этих погребений теле подтверждается и летописным сообщением, в котором особо подчеркивается, что теле в отличие от тугу не сжигают, а хоронят в земле¹⁰⁶, хотя и не упоминается о форме их обряда (одиночное, с конем и т. д.). Если погребения с конем действительно оставлены теле, то легко объясняется и их многовариантность, так как хорошо известно, что «коалиция теле не была... этнически однородной»¹⁰⁷, хотя и составляла конфедерацию племен, несомненно родственных и близких по культуре.

Исключает ли, однако, такое этническое определение погребений смену обряда у тугу в начале VII в.? Ведь многие авторы считают, что смена их обряда произошла под влиянием окружающих тугу «кочевых народов»¹⁰⁸, что «они не изобрели сами эту новую форму погребения»¹⁰⁹ с трупоположением, а «использовали обычай хоронить покойников в землю, существовавший у других, родственных им тюркоязычных племен»¹¹⁰.

Учитывая, что мы располагаем и свидетельствами письменных источников о погребениях тугу «под курганами», и одним археологически твердо зафиксированным фактом такого погребения (могила с «изваянием»-валуном на Алтае), можно сказать, что смена обряда у данной родо-племенной группировки не исключена. Вместе с тем вопрос о широком и повсеместном распространении этого обряда у тугу остается открытым. Погребения с конем, как мы пытались показать, опираясь на совокупность всех имеющихся данных, им не могли принадлежать. Характерно, что среди этих захоронений существует и большое количество детских могил, что опять же не позволяет относить их к тугу (кудыргинская детская могила — без коня). Вероятно, если смена обряда у тугу и имела место, что у нас вызывает большие сомнения, то формой этого обряда могло стать грунтовое погребение, но без коня, т. е. одиночное захоронение. Насколько верно это предположение, покажут дальнейшие исследования.

В заключение подведем итоги, изложив при этом нашу точку зрения по вопросам погребального обряда тугу.

¹⁰³ Д. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899, стр. 41; Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten, Bd I, стр. 151.

¹⁰⁷ А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй, стр. 82.

¹⁰⁸ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники, стр. 58, прим. 53.

¹⁰⁹ Л. П. Потапов, Полевые исследования Тувинской археолого-этнографической экспедиции, — «Труды ТКААН», т. II, стр. 10.

¹¹⁰ Там же.

1. Обряд погребения человека с конем в скифское (VII—III вв. до н. э.) и более позднее (II—IV вв. н. э.) время был характерен не только для племен Алтая, но и для племен других территорий (Казахстан, Тува — скифское время, Верхняя Обь — II—IV вв. н. э.). Существовал он на Алтае и непосредственно в предтюркский период (памятники берельского типа — IV—V вв.), до прихода сюда тюрков-тугу.

2. С VI в. погребения с конем распространяются на широкой территории в пределах Тюркского каганата, в том числе и в тех областях, где памятников тугю (изваяния, оградки и пр.) не зафиксировано. По целому комплексу признаков (разновариантность погребений, типологическая и предметная особенность форм инвентаря, отличного от собственно тюркского, и т. д.) они не могут быть этнически идентифицированы с тюрками-тугу. Они принадлежали другим тюркоязычным племенам, входившим в Тюркский каганат. Этими племенами могли быть племена теле.

3. В VI—VII вв. у всех социальных слоев родо-племенной группировки тугю существовал иной погребальный обряд, зафиксированный письменными источниками и подтвержденный археологическими исследованиями — обряд трупосожжения, сопровождавшийся сооружением поминальных построек, однотипных в своей основе.

4. Вопрос о смене обряда трупосожжения у тугю обрядом трупоположения остается открытым, однако ясно, что формой этого обряда не могло быть погребение с конем. Если изменение обряда и имело место, то только у рядовых воинов тугю, но не у их каганской верхушки, которая продолжала практиковать прежний обряд трупосожжения.